

Я ОСТАЮСЬ ОДНА

Выйдя из метро, я почувствовала, что за мной следят. Вернее, я это почувствовала еще в вагоне, когда напротив меня уселся здоровенный тип в черном плаще и стал демонстративно листать детский журнал. Я сразу поняла, что это маньяк-убийца. Их сейчас в Москве развелось видимо-невидимо. В одной газетке даже подсчитали, что в столице орудует десять тысяч маньяков. Да и физиономия у него была типично маньяческая: редкие усики, оттопыренные красные ушки и светло-голубые глаза. У всех маньяков почему-то светло-голубые глаза — писали в той же газете.

Вы, наверное, думаете, что я очень нервная. Вполне возможно. Дело в том, что я родилась тринадцатого мая в роддоме номер тринадцать. Представляете?.. Да еще и имечко мне маман подобрала — смешнее не придумаешь. Эмма. Я ненавижу свое имя. Это не имя, а какой-то сироп. А уж когда мать называет меня

«Эмилия» — я ее готова придушить на месте. Честное слово.

Вот из-за такого дня рождения со мнойечно происходят разные неприятности. К примеру, в прошлом году я пошла в гости к своей подружке Таньке. И представьте себе, мне на голову упало кресло. Его поставили на шкаф, когда красили полы, да так и забыли оттуда снять. Вот оно и свалилось прямо на мою репу. Будешь тут нервной.

Вообще я хочу сказать, что человеку, родившемуся тринадцатого числа, да еще с таким «симпатичным» имечком, надо постоянно держать ухо востро. Это я уже давно поняла. Мне нельзя ждать милости от природы. Впрочем, я и не жду. И пока мои подружки, Танька с Анькой, ходят на шейпинг и в бассейн, я по три раза в неделю потею в спортзале, изучая карате и дзюдо. Еще я закончила курсы автолюбителей, научилась стрелять из пистолета и выучила арабский язык по самоучителю. Ну, арабский — это так, на всякий пожарный случай. Потому что, если тебе на голову сыпятся кресла, тут уж не угадаешь, что в жизни пригодится, а что нет.

Теперь вы, наверное, решили, что я страшно энергичная. Фиг попало. На самом деле я

лентяйка, каких свет не видывал. Моя голубая мечта — целыми днями валяться в постели и объедаться зефиром в шоколаде. Думаю, у меня бы это хорошо получилось. Но валяться не дают родители, а зефир мне не по карману.

Еще я, естественно, хожу в школу. Вот уж это, я вам скажу, — удовольствие ниже среднего. Казалось бы, за семь лет можно и привыкнуть, но я как-то не привыкла. Наверное, из-за того, что у меня в школе нет подруг. Ну есть, конечно, Танька с Анькой, но, во-первых, они учатся в параллельном 7-м «Б», а во-вторых, они круглые дуры! Например, Анька на полном серьезе считает, что «Пинк Флойд» — это такая порода собак, типа «доберман-пинчер». А Танька однажды заявила, что Шекспира зовут Вильгельм и что он главный тренер футбольного клуба «Бавария»!.. Ну как, скажите на милость, с такими дурехами можно общаться?! А вот — общаюсь. Не молчать же целыми днями, словно глухонемая.

Учителя в нашей школе тоже, прямо скажем, не эйнштейны. Иногда такое загнут — хоть стой, хоть падай. Буквально вчера наш директор, Михал Тарасыч, с гордостью выдал: «Мне некогда думать, я работаю!» Хотя б одним

глазком посмотреть, как он работает. Вечно болтается по коридору со спичкой в зубах.

Или вот наша новая математичка Елена Леонидовна. В школе без году неделя, а ко мне все время придирается. То ей не так, это ей не так. В общем, тоже дура!..

Мы с моим папочкой часто спорим по этому поводу.

— Тебя послушать, — кричит он, — так выходит, кругом одни дураки!

А я что, виновата, если так выходит? Да, одни дураки. Может, где-нибудь в Париже и не дураки. А у нас — дураки!

Кстати, о Париже. Мои родители сегодня туда улетают. Не верите?.. Я и сама поначалу не поверила. Париж... пятизвездочный отель... обед на Эйфелевой башне... Оказалось — чистойшей правды. Моя маман победила в телеконкурсе. Там было условие — кто дольше всех прохохочет. И маман умудрилась прохохотать два с половиной часа. И то не видать бы ей Парижа как своих ушей, если бы тетку, которая прохохотала три часа, не увезли в психушку.

...Когда я вышла из вагона, маньяк с журналом остался сидеть на своем месте. А за мной увязался другой маньяк. Правда, не такой здо-

ровенный, как первый, зато очень смахивающий на убийцу, приметы которого утром передавали по радио. Убивал он исключительно семиклассниц и исключительно по вторникам. А я — семиклассница. И сегодня как раз вторник.

Я чуть ли не бегом выскочила из метро, он за мной. Я пошла направо, и он направо. Я остановилась у киоска, и он остановился. Тут меня злость разобрала. Ну, думаю, блин, сейчас я тебе ка-ак врежу между глаз! Ногой. Мне тренер говорил, что удар моей правой ноги напоминает ему удар профессионального боксера в тяжелом весе. Так что мало не покажется.

Маньяк между тем купил в киоске бутылку «Амаретто» и убрался в неизвестном направлении. Наверное, пошел искать другую семиклассницу; понял, что со мной шутки плохи.

Я посмотрела на часы — боже, половина пятого! Мать меня точно пристрелит, у них же самолет через два часа.

Когда я прибежала домой, из комнаты раздался голос матери:

— Эмми-и-лия, это ты?!

Вот тоже дурацкая привычка — орать на всю квартиру.

— Эмми-и-лия, это ты или не ты?!

— Это не я! — закричала я в ответ. — Это бандиты!

Маман вышла в прихожую и с ходу начала меня отчитывать:

— Где ты пропадаешь?! Я и твой отец волнуемся! Разве ты не знаешь, что мы сегодня улетаем в Париж!

— Я была на тренировке.

— Могла бы и пропустить один раз. Не каждый день твои родители в Париж летают!

Тут из маленькой комнаты появился мой обожаемый папочка. В семейных трусах.

— Кто-о мо-о-жет сравниться с Эмильей моей, — фальшиво пропел он, выставив вперед свой живот. — Девочки, не надо ссориться. Жизнь прекрасна и удивительна!.. Эмка, шагай за мной.

Мы прошли в маленькую комнату, и он протянул мне пачку денег.

— Держи. Надеюсь, до нашего возвращения тебе хватит.

— Ага, — отвечаю, — на хлеб и воду, пожалуйста, хватит.

Папочка скорчил недовольную гримасу.

— Ну правильно: если ты будешь покупать один зефир в шоколаде, то может и не хватить.

— Ладно уж. — Я забрала у него деньги. — Как-нибудь перезимуую; спички есть, дрова сворую.

В комнату заглянула сверхзабоченная маман.

— Положи деньги в укромное местечко, — затараторила она. — Не разбрасывай их по всей квартире.

— Было бы что разбрасывать, — фыркнула я.

В дверь позвонили. Папочка, натянув спортивные штаны, пошел открывать. Через минуту в комнате появился Володька Воробьев по прозвищу Воробей, мой одноклассник и наш сосед по лестничной площадке. Страшный зануда.

Его родители, то ли геологи, то ли археологи (во всяком случае, дома они бывают от силы два раза в год), подарили ему на день рождения скрипку. Вот Воробей и пиликает на ней с утра до вечера. Маман в Володьке просто души не чает. Он и самостоятельный, он и трудолюбивый, он и талантливый... Короче, не человек, а ходячий идеал со скрипкой.

— Здравствуйте, Мария Ивановна, — говорит этот хлюст приторно-вежливым голо-

сом. — У вас не найдется парочки лавровых листьев, а то я готовлю рыбу по-аргентински.

По-аргентински рыбу он готовит! Слыхали?..

— Ну конечно, Володечка, — прямо-таки растаяла маман. — А мы сейчас в Париж улетаем.

— Кстати, Владимир, — хлопнул Воробья по плечу папочка, — у нас с Марией Ивановой к тебе небольшая просьба. Ты парень серьезный, самостоятельный... Присмотри за нашей Эмкой, пока мы не вернемся.

— Не беспокойтесь, Игорь Николаевич, — важно отвечает Володька. — Даю вам честное слово, что с Эмилией все будет в порядке.

«С Эмилией...» И этот туда же!

— Ну, я пойду, — продолжает Воробей, — а то мне надо еще полы помыть.

От такого сногшибательного заявления маман даже про Париж забыла.

— Вот видишь! Вот видишь! — сверкает на меня глазами. — Владимир моет пол. А ты...

— Владимир, — сказала я, — ты бы уж действительно шел отсюда. А то еще, чего доброго, рыба по-аргентински уплывет.

— Эмма! — вскричала маман. — Как тебе не стыдно!

А Воробью хоть бы что. Он даже мне отвечать не стал.

— До свидания, Мария Ивановна, — говорит. — Счастливого вам полета, Игорь Николаевич.

— До свидания, Володечка, — откликнулись мои умиленные родители.

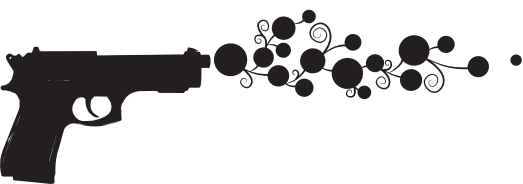
Только ангелочка с крылышками над всей этой сценой не хватало. Но вместо ангелочка появился хмурый мужик в фуражке.

— Такси заказывали? — спросил он, покручивая на пальце брелок с ключами.

— Заказывали, заказывали, — засуетился папочка.

— Мы сейчас в Париж улетаем, — сообщила маман и таксисту радостную весть.

— А мне хоть в Магадан, — ответил тот и запел: — Париж, Париж, не ходишь, а парйшь...

В КВАРТИРЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ НЕИЗВЕСТНЫЙ

После отъезда моих драгоценных родителей я решила устроить себе внеочередные каникулы. В одной умной книжке я вычитала, что, хоть учись, хоть не учись, в голове остается всего лишь пять процентов от полученных знаний. Остальное забывается. А раз так, то чего ради стараться?.. Уж пять-то процентов у меня в любом случае наберется. А не наберется — тоже не беда. Ну какая, к примеру, мне разница, как пишется слово «холл» — с одним «л» или с двумя? Да хоть с тремя! Если мне срочно понадобится этот «холл», то я всегда могу спросить у папочки.

Короче, вместо школы я стала ходить на дискотеки. Это тоже, скажу я вам, дело нелегкое. Дискотек по Москве хоть пруд пруди, в одном только нашем районе штук десять! Попробуй все обойти. И везде музыка грохочет, огни мигают, ди-джеи орут, а толпа шизеет. Классно, одним словом.

Домой я теперь приползала где-то в двенадцатом часу ночи, усталая как собака. Сразу бухалась на кровать и спала до обеда. Затем обедала зефиром в шоколаде. И снова валилась в постель, глядеть кино. Пару фильмов посмотришь — и уже пора на дискотеку...

Одно только было плохо — деньги таяли как шоколад на батарее. Потому что коробка зефира — это вам не пачка с макаронами. Да и билет на дискотеку тоже стоил недешево.

А тут еще этот зануда Воробьев повадился приходить чуть ли не каждый день. Я думала, он от фонаря брякнул родителям, что будет за мной присматривать. Фиг попало. Как вернется из школы, так сразу и начинает в дверь трезвонить.

— Никого нет дома, — кричу я ему из-за дверей.

— А кто тогда говорит? — спрашивает он.

— Говорит попугай.

— Вот что, попугай, Елена Леонидовна уже три раза интересовалась, почему ты в школу не ходишь.

Елена Леонидовна не только математичка, но еще и наша классная. Мы ее зовем — Леночка Леонидовна. У нее большие ненакрашенные